

Новожилова Елена Олеговна

ФЕНОМЕН ЕВРАЗИЙСКОГО КОЧЕВНИЧЕСТВА В СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭКОЛОГИИ

В статье дается экологическое объяснение феномена кочевничества. Кочевники характеризуются самобытной культурой, сформировавшейся как устойчивый адаптационный комплекс к жизни в степи. Макропаразитическая модель взаимоотношений с оседлыми соседями более двух тысячелетий определяла ход истории на евразийском континенте и послужила триггером многочисленных миграций. Автор рассматривает феномен евразийского кочевничества в предметной области социально-исторической экологии.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/6-2/34.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 6 (32): в 2-х ч. Ч. II. С. 132-137. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УК 1922 г. содержал две статьи – 69 и 70 (ст. 58.13 и 58.15 УК 1926 г.), рассматривавшие контрреволюционную пропаганду и агитацию как тяжкое контрреволюционное преступление. Статьи предусматривали довольно суровое наказание. Так, статья 69-я за призывы к свержению власти или к противодействию правительству определяла наказание в виде лишения свободы не ниже трех лет со строгой изоляцией. Те же действия в военных условиях или при народных восстаниях повышали наказание до высшей меры [7].

В 20-е годы в полной мере проявилась наследственная черта большевизма – нетерпимость к инакомыслию. Для борьбы с политическими противниками было невозможно и нецелесообразно применять общие правовые нормы, поэтому усиливался репрессивный аппарат, действовавший вне правовых рамок. Для легальной юриспруденции создавались политически аранжированные и агрессивные законы. Так, уголовное право стало действенным средством пресечения оппозиционной деятельности и любых форм «небольшевизма». Такова логика слияния права с политической доктриной. Можно утверждать, что именно в 1920-е годы была обоснована в политическом и в юридическом плане необходимость применения насилия, в том числе и террора, по отношению к инакомыслию. Именно в это время советское право приобрело в окончательном виде политическую утилитарность, проявляющуюся в политической составляющей законов, направленных против политических противников и вообще против инакомыслия в целом.

Список литературы

1. Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области (ГАСПИТО). Ф. 840. Оп. 1.
2. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М.: Государственное издательство политической литературы, 1963. Т. 45.
3. Морозов К. Н. Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922-1926): этика и тактика противоборства. М.: РОССПЭН, 2005.
4. Правда. 1922. 8 августа.
5. Правда. 1922. 30 августа.
6. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства (СУ РСФСР). М., 1922.
7. Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. (УК 1922 г.). М.: Издательство Наркомюст, 1923.
8. Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. (УК 1926 г.). М.: Издательство Наркомюст, 1926.
9. Фельштинский Ю. Г. К истории нашей закрытости. М.: Терра, 1991.

FORMATION OF LEGAL FRAMEWORK OF STRUGGLE AGAINST DISSENT IN SOVIET RUSSIA

Nikulin Viktor Vasil'evich, Doctor in History, Professor
Tambov State Technical University
victor.nikulin@mail.ru

The author considers political and legal measures, which were taken by the authorities against non-Bolshevik movements and groups in the 1920s, pays special attention to the use of the legal measures of influence on the Mensheviks and members of the Socialist Revolutionary Party, analyzes the legal-administrative aspects of struggle against hostile parties and their ideology, and comes to the conclusion that the Bolsheviks considered the struggle against political opponents impossible and they also considered impractical to completely apply general legal norms, therefore they intensified repressive apparatus, which operated beyond the legal framework.

Key words and phrases: the Bolsheviks; dissent; law; legal methods; legal process; counterrevolutionary crime; the Mensheviks; members of the Socialist Revolutionary Party; expulsion; censorship.

УДК 314.7

Социологические науки

В статье дается экологическое объяснение феномена кочевничества. Кочевники характеризуются само-бытной культурой, сформировавшейся как устойчивый адаптационный комплекс к жизни в степи. Макро-паразитическая модель взаимоотношений с оседлыми соседями более двух тысячелетий определяла ход истории на евразийском континенте и послужила триггером многочисленных миграций. Автор рассматривает феномен евразийского кочевничества в предметной области социально-исторической экологии.

Ключевые слова и фразы: пастухи-кочевники; миграция; степная экология; адаптация; экологическое равновесие; макропаразитизм.

Новожилова Елена Олеговна, к. биол. н., доцент
Санкт-Петербургский государственный университет
elena1572009@rambler.ru

ФЕНОМЕН ЕВРАЗИЙСКОГО КОЧЕВНИЧЕСТВА В СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭКОЛОГИИ[©]

Арнольд Тойнби относил кочевников Евразии к несостоявшимся цивилизациям. После рождения они остановились в своем развитии, оказавшись раздавлены степью – той природной стихией, на фоне которой

возникли. Не сумев подчинить себе эту стихию, несостоявшиеся цивилизации стали ее рабами, обществом без истории [17, с. 193-194].

В жизни кочевых обществ отсутствуют главные компоненты «цивилизационного списка»: оседлость, письменность, подлинные города. Нет у них и внутренней программы систематического переделывания природы, представляющей общий для цивилизаций экологический признак [19, р. 24]. С другой стороны, кочевники характеризуются самобытной материальной культурой, сформировавшейся как устойчивый адаптационный комплекс к жизни в степи и сохранившейся до наших дней без видимых изменений. Само появление кочевого скотоводства – «это хотя и не подчинение природы, но усвоение ее законов, попытка, и довольно удачная, войти с ними в компромисс» [6, с. 7].

Мобильность кочевников является приспособлением к природной и социальной среде. Систематические перемещения направлены на поддержание экологического равновесия без попыток переделать биотическое или социальное окружение. Миграции кочевников представляют собой образ жизни, выстроенный на основе мобильности.

Тем не менее, мобильность не следует переоценивать, а тем более отождествлять с динамизмом социально-экономической системы. Экономика кочевников близка к присваивающему типу. Они эксплуатируют потенциал естественных экосистем посредством домашних животных. Флуктуации в биотической окружающей среде определяют размеры ресурсной базы кочевых обществ, приспособляющихся к природным ритмам через движение. Сезонный цикл ведет их по орбите, повторяющейся из года в год.

Нарушения экологического равновесия в условиях застойной экономики нередко вызвали спорадические массовые перемещения населения. Эти нерегулярные миграции в определенных исторических условиях порождали феномены переселения народов и устойчивого внешнего макропаразитизма, ярче всего проявившиеся в истории евразийских кочевников.

Многоликий мир пастухов объединяет степная экология. На наш взгляд, экологическое объяснение феномена кочевничества является наиболее убедительным и вместе с тем нейтральным. Оно не умаляет исторической роли степняков, но и не мистифицирует их силу, строившуюся, по мнению Фернана Броделя, на слабости и беспечности других народов [3, с. 64].

Все обширные степи мира лежат в северном полушарии на лёссовых почвах. При обилии влаги лёссовые почвы чрезвычайно плодородны. Но в засушливых степях и полупустынях, где они встречаются, их плодородие не имеет ценности [20, р. 30]. Континентальный ледяной покров последнего оледенения не достиг этих территорий [4, с. 149]. Так что здесь, как минимум, двенадцать тысячелетий не было радикальной смены экосистем.

Великий степной пояс, простирающийся от Венгерской Пусты до китайского Ордоса, представляет специфические природно-климатические условия. Несмотря на имеющиеся вариации, для этих громадных пространств характерны однотипные экосистемы со средним или малым количеством осадков, убывающим с запада на восток, континентальным климатом и сходным набором видов, в котором доминируют несъедобные для человека многолетние злаки и травоядные копытные животные [13, с. 192; 14, с. 51].

Природа степного пояса, особенно центрально-азиатской его части, сурова. Во многих местах она оказывается экстремальной для жизни людей и неподходящей для земледелия. Там, где дефицит осадков не позволяет полагаться на выращивание культурных растений, основой существования становятся домашние животные. Они являются экологическим эквивалентом диких видов. Степи приспособлены к мощному потоку энергии, проходящему через пищевую сеть. Поэтому превращение степи в пастбище и замена степных травоядных копытных домашними животными экологически безвредны [16, с. 262]. Но если выращивание растений domestизирует людей, пастушество требует мобильности.

Мобильность – исторически самый ранний и простой способ снижения системной энтропии. Источная ресурсы одних пастбищ, кочевники перемещаются на другие. Энтропийные издержки они оставляют локальным экосистемам, обычно поглощающим их в ходе естественного восстановления.

Кочевое пастушество, по-видимому, является производным хозяйственным укладом. К нему обратились пришлые потомки раннего аграрного населения, практиковавшего смешанное сельское хозяйство по периферии евразийских степей на территории современной Украины [23, р. 26]. На производный характер евразийского кочевничества указывают и другие авторы [1, с. 54; 2, с. 235; 10, с. 74]. С domestикацией лошади громадные пространства оказались доступны для эксплуатации человеком. Введение пастушества на территории злаковых степей Евразии открыло период завоеваний и доминирования кочевников, продлившийся более двух тысячелетий.

Переход к кочевому пастушеству повлек радикальную перестройку образа жизни. Трансформацию претерпели пищевые цепи, экономика, социальные отношения и политическая организация. Изменения затронули не только кочевников, но и оседлые общества. На многие века возникло напряжение между пастухами и земледельцами, пастбищем и пашней, ставшее центральным механизмом истории Евразии и триггером многочисленных миграций.

Географическая мобильность внутренне присуща кочевому пастушеству. Тем не менее, скотоводческие миграции не были безостановочным движением. Характер перемещений кочевого населения, дальность и продолжительность миграций и длительность стоянок зависели от многих факторов: типа природного ландшафта, количества осадков, состава стад, размеров кочевого населения территории. В обычное время миграции носили более-менее регулярный характер, приспособляясь к годовому циклу вегетации растительности. Сезонные миграции кочевников стали основным механизмом приспособления к среде, ресурсы которой изменяются в более-менее надежной периодичности.

Переходы между кочевничеством и оседлостью происходили многократно и могли принимать обратимый характер. Переход к кочевничеству происходил там, где условия были неподходящими для ведения комплексного хозяйства. Невозможность вести прежний образ жизни возникала и в связи с общей аридизацией климата. В более благоприятных климатических условиях наблюдался обратный процесс оседания кочевого населения. Когда завоеватели побеждали земледельческие цивилизации, они растворялись в них или подвергались селективной аккультурации. В степи кочевой образ жизни оставался неизменным, но контакт с оседлыми народами цивилизовал кочевников. Таким образом, хозяйственный уклад диктовался природно-климатическими условиями конкретного места и исторического периода.

Тем не менее, до середины второго тысячелетия н.э. в противостоянии оседлых земледельцев и кочевых пастухов верх одерживали последние. Там, где пастбище вытесняло пашню, происходило «разжижение» населения и сокращение производственного потенциала прежде продуктивных территорий. Отступление границы цивилизации было характерно как для Руси, так и для Средней Азии, всей Восточной Европы и Северного Китая [12, с. 149, 150].

Территории, обращенные в пастбища, могли прокормить гораздо меньшее население. Они переживали запустение и общий культурный упадок. Однако не следует считать причиной такой деградации особую жестокость или агрессивность степняков. Грабительские набеги, наложение дани и вымогательство укладываются в широкий континуум форм внешнего и внутреннего макропаразитизма, а образ жизни пастухов-кочевников – их мобильность и распыленность – диктуются степной экологией.

Кочевое пастушество представляет экологически обусловленный тип экономики. Оно встраивается в естественные экосистемы, не демонтируя и не преобразуя их. Используя естественные ресурсы природных экосистем, кочевники вынуждены перемещаться по степным просторам, подчиняясь сезонным ритмам окружающей среды. Карлштейн сравнивает пастухов-кочевников с охотниками-собираателями. Их объединяет ограниченная ресурсная база и вытекающая из этого пространственная мобильность. Однако номады зависят от домашних животных, а не от диких [18, р. 103]. Их экономика – это редуцированное производящее хозяйство, сформировавшееся в ответ на вызов особых природно-климатических условий.

Главная продукция земледельцев – зерно. Оно может изыматься из природного обращения, длительное время храниться и накапливаться, образуя резерв и сообщая хозяйственной системе надежность и управляемую динамику. Развитие накопителей энергии и механизмов обратной связи, позволяющих увеличить поступление энергии и ее запасы, – важнейший фактор повышения жизнеспособности системы [15, с. 75].

Усилия пастухов направлены не на землю, а на скот. Они контролируют воспроизводство животных. Вместо использования растений в качестве главного конвертера энергии, скотоводство полагается на биоэнергетическую петлю животных продуктов. Животные продукты – это концентрированный хранитель энергии. Однако скот невозможно изъять из процесса постоянного производства и воспроизводства, поэтому он все время находится под угрозой воздействия неблагоприятных природных факторов. Падеж скота в кочевом хозяйстве может достигать половины поголовья, так что практически все силы и все время уходят на количественное восстановление, не оставляя ресурсов для поступательного развития.

Скот делает кочевую экономику экологически уязвимой и придает ей застойный характер. Тогда как орудия земледельцев за тысячелетия аграрной практики подверглись серьезной эволюции, скот кочевников – их главное средство труда – не претерпел серьезных изменений. Селекция практически не затронула этот компонент кочевой экономики. Неизменными остались и методы ведения хозяйства. При минимуме необходимых кочевнику орудий труда отсутствовали причины для их усовершенствования.

В экономике кочевого пастушества увеличение производства зависит не столько от средств труда и объема трудовых вложений, сколько от естественных условий. Земля поглощает мало трудовых усилий, но и отдача на единицу площади мала. Она не превышает естественного предела поддерживающей емкости среды. Кочевое пастушество – экстенсивный тип хозяйства, способный развиваться только вширь. Поэтому степные экосистемы могут поддерживать ограниченное людское население. В среднем – 0,5-2 чел./км² [8, с. 56].

Распыленность и мобильность – неизбежные следствия степной экологии. Степная экология диктует и характер воспроизводства кочевого населения. Оно не должно превышать «потолка» численности, «определенного на все века неизменного типа хозяйствования» природой [11, с. 9].

Кочевое пастушество относится к технологиям с низким уровнем преобразования окружающей среды и высокой эффективностью хозяйства. По соотношению вложенного труда и получаемых пищевых калорий – то есть, экономически – номадизм выгоднее земледелия. К тому же при круглогодичном выпасе экстенсивное скотоводство является менее трудоемким видом деятельности. Оно не требует концентрации усилий в определенные сезоны и характеризуется трудовой монотонностью.

По сравнению с охотой и собирательством номадическая экономика поддерживает более высокую плотность населения. Это достигается за счет добавления в естественные экосистемы не свойственного им компонента – домашних животных. Домашние животные позволяют перенаправить поток пищевых калорий. Л. Н. Гумилев указывает на то, что номады, вытеснив диких животных, заняли роль хищников [5, с. 24].

Мы полагаем, что номадическое пастушество формирует особые экологические отношения устойчивого паразитизма и качественно новые пищевые цепи. Человек располагается на вершине этих цепей, питаясь в основном мясом и молочными продуктами и сводя к минимуму потребление зерновых.

С экологической точки зрения, пищевые цепи, выстроенные на основе потребления мяса и молочных продуктов, менее эффективны, чем пищевые цепи земледельцев. Они длиннее, так что энергетические потери

в них выше на порядок и более. Из-за разницы в количестве звеньев в пищевых цепях кочевые общества могут получить из природной среды гораздо меньше суммарной энергии, чем оседлые земледельцы. Поэтому плотность пастушеского населения существенно уступала людской массе, сконцентрированной в оседлых аграрных цивилизациях, окружавших Великую степь.

Однако без кочевого пастушества обширные просторы Великой степи остались бы неосвоенными. При кажущейся экологической неэффективности кочевое пастушество – наиболее рациональный, а иногда единственно возможный тип хозяйствования в аридных экосистемах. Пастухи-кочевники утилизировали растительный мир степи через посредство животного [17, с. 193]. Так что кочевое пастушество расширило общую площадь постоянного присутствия человека и территорию его хозяйственной деятельности в экстремальных природных зонах.

Но если земледелие носит созидательный характер, то пастушество – извлекающий. Пасущийся скот отнюдь не помогает производить то, что растет на земле. Напротив, он удаляет растительный покров. Кочевники паразитируют на естественных экосистемах и не располагают средствами повысить текущие возможности среды. Степь, обращенная в пастбища, поддерживает экономику прожиточного минимума. Продуктивность экосистем определяется природно-климатическими условиями и имеет естественные пределы. Существующее экологическое равновесие неустойчиво. Несколькими засушливыми лет или перевыпас могут существенно понизить урожай трав и вызвать деградацию пастбищ. Погодные аномалии, сокращающие ресурсную базу, рост населения или расширение потребностей нарушают равновесие. Застойность кочевой экономики, лишенной внутреннего потенциала развития, не позволяет восстановить экологическое равновесие самостоятельно.

Узость собственной экономической базы требует установления связей с земледельческим миром. А. М. Хазанов полагает, что экологическая и экономическая адаптация номадизма к окружающей среде была далеко неполной. Ее дополняла адаптация кочевничества к «Внешнему Миру» [21, р. 84].

Нам представляется, что стабилизирующий резерв номадической системы был вынесен в другие общества. Оседлые цивилизации выступали как фактор дополнительной гарантии стабильности скотоводческой экономики. Невозможность симметричных отношений с земледельческим миром толкала кочевников на социальный макропаразитизм. Когда перевес сил был на стороне кочевников, макропаразитизм выливался в ограбление оседлых народов, которым кочевники главным образом и вошли в историю.

Макропаразитизм кочевников Евразии не был исключительным явлением. Не имеет аналогов лишь его продолжительность. Он обусловлен особенностями экономики, эксплуатирующей потенциал естественных экосистем. Хозяйство кочевых пастухов не в состоянии самостоятельно производить ряд продуктов и ремесленных изделий. Они могут быть получены либо путем паритетного обмена, либо ограблением производителей. Но прямая торговля с земледельцами для кочевников была затруднительна. «Оседлые общества имели более сложную экономику и... могли и предпочитали обходиться без торговли с номадами» [9, с. 200]. Ограниченность потенциала кочевой экономики по ассортименту была одной из предпосылок формирования макропаразитической модели, включавшей население оседлых земледельческих обществ.

Вторая причина социального макропаразитизма также связана с экономикой кочевого пастушества, лишенной возможности производить прибавочный продукт. В хозяйственном укладе кочевников накопление запасов заменено мобильностью. Любое нарушение экологического равновесия – со стороны сокращения ресурсной базы или со стороны роста потребностей в ресурсах – не может быть восстановлено самостоятельно, когда система не имеет резервов. Так что расширение ресурсной базы в периоды нарушения экологического равновесия, как и получение недостающих продуктов и изделий, кочевники осуществляли за счет внешней экспансии.

Существуя в условиях экономики прожиточного минимума, окруженные земледельческими обществами с более высоким производственным потенциалом, кочевники должны были прибегнуть к внешнему макропаразитизму. Одомашнивание лошади открыло возможность эксплуатировать соседей. Со временем это животное станет главным экосистемным партнером человека в степях Евразии. Лошадь дала кочевникам быстроту и внезапность – громадное преимущество перед оседлыми соседями. Много веков подряд кочевники «демонстрировали свою способность побеждать армии более развитых народов и создавать обширные аморфные империи или владения, при условии, что они не уходили слишком далеко от привычных им географических и климатических условий евразийских степей» [7, с. 258].

Превосходство кочевников просуществовало почти до середины второго тысячелетия нашей эры, сломленное техническим прогрессом Запада. Но прежде оно было основательно подточено демографическим бедствием в степи, порожденным эпидемиями неизвестной здесь прежде чумы [22, р. 191-192].

Внешнеэксплуататорская деятельность принимала многообразные формы. Война была главным, но не единственным способом получения прибавочного продукта. Кочевники прибегали к регулярным грабежам и прямому завоеванию, совершали периодические набеги, облагали покоренные народы данью и контролировали торговые маршруты. А. М. Хазанов характеризует эти формы социального макропаразитизма как пути адаптации к внешнему миру, благодаря контактам с которым кочевники остались кочевниками [21, р. 157-158].

Внешний макропаразитизм евразийских кочевников активизировался в периоды экологических кризисов и был направлен не на развитие, а на закрепление *status quo*: экономики прожиточного минимума. Он выражался в ограблении более продвинутого населения и принимал формы военных набегов и завоеваний, неразрывно связанных с миграциями. Макропаразитизм кочевников действовал на выравнивание, но с понижением уровня развития на обширных территориях. Так бывало всякий раз, когда пашня обращалась в пастбище, а ограбленное население уничтожалось или бежало. Целые народы стирались с лица земли, а цивилизации отбрасывались назад в своем развитии.

На наш взгляд, внешний макропаразитизм кочевников находит объяснение через термодинамику социальных систем. Периодическое ограбление оседлых народов представляло для пастухов-кочевников универсальную диссипативную структуру, позволявшую системе время от времени понижать свою энтропию. Стягивая ресурсы, созданные трудом других обществ, кочевники восстанавливали упорядоченность собственной системы. Это единственный способ поддерживать существующий образ жизни в условиях роста населения или неблагоприятных климатических изменений. Все «степные империи» – самые большие и наиболее сложные социальные системы, известные кочевому миру, – жили набегами, завоеваниями и наложением дани на подчиненные общества. В этом смысле их можно рассматривать как центр по отношению к оседлым обществам, но только в смысле переноса энтропийных издержек. Периферия была в этих сложных отношениях более развитой.

Со степной экологией связаны не только определенные экономические, но и специфические социальные характеристики. Степь не цементирует, а разъединяет. Чтобы прокормить свой скот и прокормиться самим, люди должны двигаться вместе со стадами, перемещая с собой свое имущество и свой социум. Невозможность концентрировать скот в одном месте служила препятствием объединению кочевых хозяйств в более крупные образования. Степь требует не только мобильности, но и распыления. Она противится концентрации и удерживает людей на расстоянии друг от друга. Подвижный социум – это текучие и непостоянные отношения, независимость и самодостаточность индивидуальных хозяйств, отсутствие жесткой иерархии.

Временами харизматическим правителям удавалось собрать вокруг себя многочисленное население и организовать его на ограбление оседлых земледельческих территорий. Но лояльность вождям испарялась, как только вызревало недовольство распределением награбленной добычи. «Подданные» откочевывали – уходили в степь, которая всегда ассоциировалась со свободой и вольностью.

Распыленность и мобильность пастушеского населения оказались неподходящими основами для общественного развития и государственного строительства. Общества кочевников застыли на уровне родоплеменной структуры, а их самостоятельные политические образования – подчас охватывавшие огромные территории – были, по сути, близки к вождествам. Н. Н. Крадин называет социополитические организации кочевников, основанные на паразитической эксплуатации земледельческого населения, экзополитарными образованиями, указывая, что предклассовая общественная стадия была предельной для самостоятельного развития номадов [9, с. 198].

Непросто решается вопрос, к какому типу обществ отнести социальные образования кочевников: изолированные самодостаточные или открытые несамодостаточные. По-видимому, они представляли некий промежуточный тип. Консервативность всего образа жизни, существование равновесия между численностью и ресурсами и невозможность восстановить экологический баланс путем организационных изменений характеризуют общества кочевников как изолированные. С другой стороны, односторонняя хозяйственная ориентация номадов всегда порождала потребность в продукции земледельческих обществ. Обычно эту продукцию они получали военными грабежами, спорадически – торговлей. Независимо от способа получения, добытое шло на закрепление существующего образа жизни. Так что открытость кочевников миру иллюзорна. Их набеги больше напоминали вылазки, а не желание установить с другими обществами паритетные отношения для симметричного обмена и двустороннего развития. Тойнби писал, что, наладив контакт со степью, кочевники утратили связь с миром [17, с. 193].

Воздействие кочевников на соседние и дальние народы оказывалось через миграции, тесно связанные с завоеваниями и переселениями. Военные миграции нередко представляли перемещение целых обществ, когда с мужчинами-воинами двигались женщины, дети и скот. Однако миграции и завоевания кочевников обладали той специфической особенностью, что никогда не выливались в колонизацию завоеванных земель. Они происходили с территорий относительно низкой плотности населения в более населенные регионы и из менее развитых обществ в более развитые. Тогда как для колонизации требуется движение в противоположном направлении.

По отношению к населению оседлых цивилизаций их завоеватели были мизерны в численном отношении. Но для того, чтобы предложить или навязать другим народам свое мировоззрение, систему ценностей и свой образ жизни, нужна многочисленность или потенциальная возможность достичь ее через расширенное воспроизводство. Ни того ни другого у кочевников не было. Кроме того, экономика кочевого общества, построенная на эксплуатации естественных экосистем, была слабой и зыбкой. Людские ресурсы и хозяйственный базис кочевников не могли конкурировать с комплексной экономикой земледельческо-городских обществ [9, с. 207].

В системе ценностей степняков военная доблесть и боевые успехи занимали наивысшие позиции. Кочевники вторгались в земли оседлых обществ, производивших прибавочный продукт. Изъятие прибавочного продукта было главной целью набегов. Совершая набеги, степняки получали недостающие им продукты и ремесленные изделия, а также золото. Награбленное добро определяло социальный статус, а его распределение служило социальным клеем, порождало лояльность.

Иногда в ходе элитарных миграций кочевники завоевывали государства и основывали свои династии правителей. Но в этом случае происходила ассимиляция пришельцев, их растворение в более высокой культуре. В целом, в сложном и длительном противостоянии пашни и пастбища верх одержала пашня. И это происходило тем раньше, чем продуктивнее были земли и многочисленнее оседлое население. Кочевники отступили, представ тем, что они есть, – «бедными группами человеческих существ, поставленными на место и смирившимися с этим» [3, с. 66].

Роль кочевников и их миграций в человеческой истории невозможно оценить однозначно. Их воздействие на оседлые цивилизации менялось с ходом времени. Оставаясь случаем продолжительного макропаразитизма – экосистемного и социального, – кочевники евразийских степей оказали и положительное влияние. Великая степь на многие столетия превратилась в магистраль, объединяющую цивилизации. В человеческой истории она сыграла роль катализатора. Через степь происходило «перекрестное оплодотворение». В XIII веке в Европу из Китая были переданы многие технологии и изобретения, определившие будущее. Монгольский мир, выстроивший и контролировавший к этому времени оживленную трансконтинентальную торговлю, был жизненно важной частью средств передачи.

Евразийцы обменивались не только технологиями, но и растениями, животными и микроорганизмами. Передачи микроорганизмов, особенно болезнетворных, сыграли решающую роль в гомогенизации пула инфекционных болезней и формировании паневразийского иммунитета. К тому времени, когда европейцы столкнулись с обитателями других континентов, в их распоряжении окажется мощное биологическое оружие. Оно даст европейцам громадные преимущества в колонизации заморских территорий и в утверждении западных ценностей и западного образа жизни на большей части земного шара.

Список литературы

1. Андрианов Б. В. Неоседлое население мира (историко-этнографическое исследование). М.: Наука, 1985. 280 с.
2. Артыкбаев Ж. О. Кочевники Евразии (в калейдоскопе времен и тысячелетий). СПб.: Мажор, 2005. 320 с.
3. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. М.: Весь мир, 2006. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное / пер. с фр. 592 с.
4. Бudyko М. И. Климат в прошлом и будущем. Л.: Гидрометеиздат, 1980. 352 с.
5. Гумилев Л. Н. В поисках вымышленного царства. СПб.: Абрис, 1994. 382+1 с.
6. Жуковская Н. Л. Кочевники Монголии: Культура. Традиции. Символика: учеб. пособие. М.: Восточная литература, 2002. 247 с.
7. Кёнигсбергер Г. Средневековая Европа, 400-1500 годы. М.: Весь Мир, 2001. 384 с.
8. Крадин Н. Н. Кочевые общества (проблемы формационной характеристики) / Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Владивосток: Дальнаука, 1992. 240 с.
9. Крадин Н. Н. Структура власти в государственных образованиях кочевников // Феномен восточного деспотизма: структура управления и власти. М.: Наука; Издательская фирма «Восточная литература», 1993. С. 192-210.
10. Кузьмина Е. Е. Экология степей Евразии и проблема происхождения нomaдизма // Вестник Древней истории. 1996. № 2. С. 73-84.
11. Кульпин Э. С. Путь России: социоестественная история. М.: Московский лицей, 1995. 200 с.
12. Кульпин Э. С. Человек и природа в Китае. М.: Наука, 1990. 245 с.
13. Миллер Т. Жизнь в окружающей среде / пер. с англ.: в 3-х т. М.: Издательская группа «Прогресс»; Пангея, 1993. Т. 1. 256 с.
14. Небел Б. Наука об окружающей среде: как устроен мир / пер. с англ.: в 2-х т. М.: Мир, 1993. Т. 1. 424 с.
15. Одум Г., Одум Э. Энергетический базис человека и природы. М.: Прогресс, 1978. 380 с.
16. Одум Ю. Экология / пер. с англ.: в 2-х т. М.: Мир, 1986. Т. 1. 328 с.
17. Тойнби А. Дж. Постигание истории: избранное. М.: Айрис-Пресс; Рольф, 2001. 637+1 с.
18. Carlstein T. Time Resources, Society and Ecology: on the Capacity for Human Interaction in Space and Time. L.: George Allen and Unwin, 1982. 444 p.
19. Fernández-Armesto F. Civilizations: Culture, Ambition and the Transformation of Nature. N. Y. – L. – Toronto – Sydney – Singapore: The Free Press, 2001. 545 p.
20. Hyams E. Soil and Civilization. L. – N. Y.: Thames and Hudson, 1952. 312 p.
21. Khazanov A. M. Nomads and Outside World. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. 424 p.
22. McNeill W. H. Plagues and Peoples. N. Y.: Anchor Press; Doubleday Garden City, 1976. X+369 p.
23. Rifkin J. Beyond Beef: the Rise and Fall of the Cattle Culture. Dutton Books, 1992. 353 p.

THE EURASIAN NOMADISM PHENOMENON IN SOCIAL-HISTORICAL ECOLOGY

Novozhilova Elena Olegovna, Ph. D. in Biology, Associate Professor
St. Petersburg State University
elena1572009@rambler.ru

The author presents the ecological explanation of nomadism phenomenon, tells that the nomads are characterized by a unique culture, which was formed as a stable complex for adaptation to life in the steppe, mentions that the macro-parasitical model of relationship with settled neighbors for more than two millennia determined the course of history on the Eurasian continent, and served as a trigger for numerous migrations, and considers the phenomenon of the Eurasian nomadism in the subject area of social-historical ecology.

Key words and phrases: nomadic shepherds; migration; ecology of steppe; adaptation; ecological balance; macro-parasitism.